

Ю.В. ТРОИЦКАЯ
(Самара)

**КОММУНИКАТИВНАЯ
КОМПЕТЕНЦИЯ: ДЕМАРКАЦИЯ
ЗНАЧЕНИЯ**

Определяются доминанты значения термина «коммуникативная компетенция» на основе сравнительного анализа отечественных и зарубежных научных концепций. С помощью функционально-семантического анализа разграничиваются смежные понятия «коммуникативная компетенция», «языковая компетенция», «речевая компетенция», «лингвистическая компетенция».

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, языковая компетенция, речевая компетенция, лингвистическая компетенция, интерактивная компетенция, прагматическая компетенция, дискурсивная компетенция.

Коммуникативная компетенция – одна из ключевых составляющих модели готовности к профессиональной деятельности для многих современных специалистов разных сфер. Развитие данной компетенции предусматривается образовательными стандартами, ориентированными на рынок труда, успешность функционирования в рамках которого в значительной мере определяется эффективностью коммуникативного взаимодействия. Тем не менее границы содержания понятия не совпадают в разных научных традициях и современных исследованиях. Меняются основания для разграничения компетенций, обеспечивающих коммуникацию, неоднозначно определяется объем входящих в них компонентов или субкомпетенций.

Цель данной статьи – сравнить разные концепции, ориентированные на «коммуникативную компетенцию»; определить основополагающее содержательное ядро с опорой на существующие научные традиции и современные исследования; разграничить понятие «коммуникативная компетенция» и смежные с ним; обосновать состав компонентов, образующих структуру. Методы исследования – сравнительный анализ (ретроспективный, структурно-компонентный), функционально-семантический анализ.

Развитие коммуникативной компетенции признается актуальной педагогической проб-

лемой как в России (М.Н. Вятютнев, Д.И. Изаренков, И.А. Зимняя, А.А. Исакова, А.С. Даниленко, Е.В. Долинский, Н.П. Таюрская, О.Ф. Коробкова, О.Т. Солтанбекова, М.В. Стурикова, Н.А. Местанко, О.Н. Великанова, Е.Ю. Кислякова [1–12] и др.), так и за рубежом (D. Hymes, M. Canale, M. Swain, L.F. Bachman, A. Palmer, M. Celce-Murcia, G. Rickheit, H. Strohner, C. Vorweg [13–17; 20–21] и др.). Актуальность сохраняется достаточно длительное время, на протяжении которого произошло много социальных перемен, отразившихся на системе образования, поэтому логично осуществить ретроспективный анализ содержания понятия.

Сам термин *компетенция* и его производные не являются неологизмами XX в. Исследователи (Е.М. Дорожкин, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, М.В. Стурикова и др.) отмечают, что понятия «компетенция», «компетентность» и «компетентный» широко использовались в быту и литературе задолго до работ Н. Хомского и Д. Хаймса. Их толкование приводилось в словарях. Так, в «Кратком словаре иностранных слов» дано следующее определение: «компетентный (лат. *competens, competens* – надлежащий, способный) – знающий, сведущий в определенной области; имеющий право по своим знаниям или полномочиям делать или решать что-либо, судить о чем-либо» [5, с. 8]. «Оксфордский этимологический словарь» (*Concise Dictionary of English Etymology*) дает сведения о том, что в XIV в. слово *competent* («компетентный») имело значение ‘suitable, proper, adequate’ («подходящий, соответствующий»), в XV в. – ‘legally qualified or sufficient’ («отвечающий требованиям, соответствующий требованиям»), в XVI в. зафиксированы ‘competence / competency’ («компетенция») со значением ‘sufficiency of qualification’ («достаточная квалификация») [18].

Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что терминологическое сочетание *коммуникативная компетенция* было введено Д. Хаймсом (1972). В отечественной науке коммуникативная компетенция становится актуальной в 1980-х гг. в значительной мере благодаря работе М.Н. Вятютнева «Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах» (1977).

Следует отметить, что Д. Хаймс использовал понятие «коммуникативная компетенция», развивая идеи Н. Хомского, который в

своей работе «Аспекты теории синтаксиса» (1965) ввел оппозицию между языковой компетенцией (или лингвистической компетенцией; в оригинальном тексте – *linguistic competence*) и языковым (лингвистическим) употреблением (*linguistic performance*). Компетенция определяется как «знание языка говорящим-слушающим»; употребление – как «реальное использование языка в конкретных ситуациях» (*actual use of language in concrete situations*). Н. Хомский пишет о том, что только в идеализированном случае употребление является непосредственным отражением компетенции. В действительности же оно не может непосредственно отражать компетенцию. Запись естественной речи показывает, сколь многочисленны в ней обмолвки, отклонения от правил, изменения плана в середине высказывания и т. п. [19, р. 4]. Таким образом, языковая компетенция трактуется как идеальное, нормативное явление. Наблюдаемое использование языка, по мнению Н. Хомского, может представлять данные о природе психической реальности, но не является содержанием лингвистики. Следует подчеркнуть лингвистический статус работы ученого. Введенная Н. Хомским оппозиция критически важна в плане терминологической демаркации, но малоинформативна для педагогики в практическом отношении.

В работе Д. Хаймса коммуникативная компетенция связывается с внутренним знанием ситуативной уместности языка. Д. Хаймс пишет о том, что существуют правила применения языка, без знания которых грамматика не имеет смысла [20, р. 278]. Компетентное использование языка предполагает ситуативную уместность, адекватность (*appropriateness*). Ребенок, который учится говорить, помимо изучения нормативной (грамматической) стороны речи, формирует способности, позволяющие оценивать коммуникативную ситуацию [Ibid., р. 277], успешно принимать участие в речевых событиях и анализировать результаты взаимодействия. Данная компетенция находится в неразрывной связи с отношениями, ценностями и мотивами.

Актуализируя коммуникативную компетенцию в педагогике нашей страны, М.Н. Вятютнев указывает на то, что для использования языка как средства общения необходимо знание социальных, ситуативных и контекстуальных правил, и определяет коммуникативную компетенцию как выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимо-

сти от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации [2, с. 38]. Здесь наблюдается концептуальное согласие с Д. Хаймсом. Как и Д. Хаймс, М.Н. Вятютнев не дает четкого разграничения по компонентам, но подчеркивает неразрывную связь языковых составляющих (условно – языковой компетенции или грамматики) и ситуативных, социокультурных.

Классические структуры представлены в работах М. Канали и М. Свейн (M. Canale, M. Swain), Л.Ф. Бахмана и А.С. Палмера (L.F. Bachman, A.S. Palmer). Однако следует оговорить тот факт, что Л.Ф. Бахман и А.С. Палмер не используют термин *коммуникативная компетенция*, их работа посвящена «языковой способности» (в оригинальном тексте – *language ability*). Тем не менее данная концепция заложила основы теории коммуникативной компетенции.

В России известна концепция Д.И. Изаренкова, согласно которой коммуникативная компетенция формируется взаимодействием трех основных, базисных составляющих – языковой, предметной и прагматической компетенций. Языковая компетенция связана с лингвистической стороной организации коммуникативных единиц, она обеспечивает формирование у говорящего умения строить грамматически правильные и осмысленные высказывания; предметная компетенция отвечает за содержание высказываний, она обеспечивает получение знаний о том фрагменте мира, который выступает предметом речи; прагматическая компетенция раскрывает коммуникативные намерения говорящего, условия общения, формируя у говорящего способность использовать высказывания в определенных речевых актах, соотнося их с интенциями и условиями (ситуациями) общения [6, с. 56].

Модель Д.И. Изаренкова отличается от многих других наличием предметной компетенции. С нашей точки зрения, предметность важна, поскольку коммуникация предполагает передачу определенного содержания. Она не может состояться, если людям нечего сказать / передать друг другу. Содержание актуально на уровне конкретной сферы, если мы говорим о коммуникативной компетенции в профессиональном пространстве. Уровень осведомленности непосредственно определяет перспекти-

Структура коммуникативной компетенции в отечественных и зарубежных научных концепциях

Автор(ы) концепции, год выхода работы	Компоненты / субкомпетенции
M. Canale, M. Swain (1980, 1983)	Грамматическая компетенция Социолингвистическая компетенция Стратегическая компетенция (+ дискурсивная компетенция (M. Canale, 1983))
L.F. Bachman, A.S. Palmer (1990, 1996)	Языковая компетенция (знание языка) Стратегическая компетенция
Д.И. Изаренков (1990)	Языковая компетенция Предметная компетенция Прагматическая компетенция
M. Celce-Murcia (2008)	Социокультурная компетенция Дискурсивная компетенция Языковая компетенция (linguistic) Формульная компетенция (formulaic) Интерактивная компетенция Стратегическая компетенция
О.Т. Солтанбекова (2008)	Языковая компетенция Предметная компетенция Прагматическая компетенция Текстовая компетенция
Е.В. Долинский (2013)	Мотивационный компонент Речевой компонент Языковой компонент Социокультурный компонент Стратегический компонент
М.В. Стурикова (2015)	Языковой компонент Дискурсивно-стилистический компонент Риторико-прагматический компонент Этикетно-речевой компонент
Н.П. Таюрская (2015)	Лингвистическая (языковая) компетенция Социолингвистическая компетенция Дискурсивная (речевая) компетенция Социокультурная компетенция Социальная компетенция Стратегическая (компенсаторная) компетенция Учебно-познавательная компетенция
А.С. Даниленко (2016)	Лингвистический уровень Речевой уровень Профессиональный уровень
А.А. Исакова (2017)	Лингвистический компонент Социолингвистический компонент Прагматический компонент
О.Н. Великанова, Е.Ю. Кислякова (2019)	Языковая компетенция Коммуникативно-прагматическая компетенция Социокультурная компетенция

ву коммуникации. Важны также универсальные тематические пласты, задающие модели порождения и развития диалога. Отсутствие «предметной компетенции» в концепциях может быть связано с тем, что она развивается обычно (как отдельная компетенция) в процессе общей социализации, получения образования и обретения трудового опыта, поэтому развитие «предметной» при формировании «коммуникативной компетенции» представляется избыточным. Однако ни у кого не возникает сомнения в том, что содержательная / предметная сфера является необходимым ресурсом, на базе которого осуществляется акт коммуникации. В табл. на с. 114 приведены разные структуры коммуникативной компетенции, которые отличаются компонентным составом, представляя при этом одно содержание.

На основе разных определений понятия «коммуникативная компетенция» и состава компонентов (или субкомпетенций) в рамках структуры можно выделить содержательные доминанты. М.В. Стурикова, проследившая обобщения тенденции в формулировке значения понятия «коммуникативная компетенция», замечает, что термин предполагает умение соотносить языковые средства с задачами и условиями общения, организовывать общение с учетом языковых норм и коммуникативной целесообразности [11, с. 28].

К похожему заключению приходят немецкие ученые (Gert Rickheit, Hans Strohner, Constanze Vorweg), отмечая, что внутренняя структура понятия «коммуникативная компетенция» должна быть соотнесена с эффективностью (effectiveness) и уместностью / адекватностью (appropriateness). Эффективность описывает результат взаимодействия. Уместность / адекватность связывает понятие с ситуативными условиями социальной интеракции [21, р. 16].

Коммуникативная компетенция базируется на языковых нормах, обеспечивающих реализацию коммуникативной задачи посредством адекватных механизмов взаимодействия. Характеристики «языковая нормативность», «эффективность», «уместность / адекватность» являются доминирующими, но по-разному детализируются в разных концепциях и претерпевают терминологические модификации. С нашей точки зрения, ключевое содержание можно свести до двух аспектов: нормативности (на разных уровнях / ярусах языка) и прагматики, ориентированной на связь ком-

муникантов (связь как ключевая цель речевой деятельности).

Рассмотрим, например, одну из современных зарубежных моделей, отличающуюся многокомпонентностью состава. М. Сэлси-Мурсия (М. Celce-Murcia) выделяет социокультурную, дискурсивную, языковую (linguistic), формульную (formulaic), интерактивную и стратегическую компетенции. Языковая компетенция включает знания четырех типов (фонологические, лексические, морфологические и синтаксические), представляющие языковую нормативность [17, р. 47]. Формульная компетенция предполагает оперирование готовыми языковыми клише, устойчивыми выражениями [Ibid., р. 48], которые действительно играют важную роль в естественной коммуникации. Интерактивная компетенция включает знания о речевых актах (обмен информацией, выражение мнения, жалобы и т. д.) и диалогом (диалогическом) взаимодействии – как вербальном (иницирование диалога, изменение темы, прерывание и т. д.), так и невербальном / паралингвистическом (язык тела, пространственные параметры, тишина и паузы и т. д.) [Ibid., р. 48–49]. Стратегическая компетенция ориентирована на коммуникативные стратегии (уклонение от темы и т. д.).

Приведенная модель удобна для оценки результата развития коммуникативной компетенции. Но формульную и дискурсивную компетенции мы можем включить в границы языковой. Стратегическую и социокультурную компетенции можно включить в границы интерактивной компетенции, которая функционально напоминает прагматическую.

В концепции Л.Ф. Бахмана и А.С. Палмера (1990, 1996), например, языковая компетенция включает организационную и прагматическую компетенции, а стратегическая компетенция выходит на более общий (метакогнитивный) уровень, характеризуя постановку целей, оценку и планирование выполнения задачи. Организационная компетенция включает грамматическую и текстовую компетенции. Грамматическая компетенция – это знания о языковой системе, в которую включаются лексика, синтаксис, фонология / графология. Она определяет умение применять языковые нормы. Прагматическая компетенция включает функциональную (иллокутивную) и социолингвистическую компетенции. Они позволяют создавать или интерпретировать дискурс, связывая высказывания с их значением, с интенциями (намерениями) участников коммуникации, с контекстом [14, р. 69].

В модели коммуникативной компетенции М. Канали и М. Свейн (1980) на одном уровне располагаются грамматическая, социолингвистическая и стратегическая компетенции. Впоследствии М. Канали (1983) дополнил данную концепцию дискурсивной компетенцией, фактически выделив ее из социолингвистической. Примечательно, что стратегическая компетенция описывает применение вербальных и невербальных коммуникативных стратегий с целью:

а) компенсировать нарушения целостности коммуникации, возникающие из-за ограничивающих условий или недостаточного уровня коммуникативной компетенции по одному или нескольким параметрам;

б) повысить эффективность коммуникации.

В первом случае речь идет о таких компенсаторных стратегиях, как перефразирование (в случае забывания), избегание определенных слов и т. д. Примером стратегий, ориентированных на повышение эффективности, может служить намеренное замедление речи для создания риторического эффекта или упрощение (адаптация) речи для обеспечения понимания, если коммуникант не готов к восприятию привычного темпа и привычной лексики говорящего [15, р. 10–11].

Структуры вышеприведенных концепций отличаются. Причем отличается даже значение (и содержание) компонентов / субкомпетенций, имеющих одинаковое наименование. Однако всегда есть языковые нормы (на всех ярусах языка) и прагматика, связывающая оформление высказывания с целью взаимодействия и контекстом (ситуативным и социокультурным).

Языковое содержание (языковая нормативность) преимущественно представляется в структурах коммуникативной компетенции посредством терминов *языковой*, *лингвистический* или *речевой*. Ситуация осложняется, когда внутри коммуникативной компетенции одновременно определяются языковая и речевая (суб)компетенции, речевая и лингвистическая (суб)компетенции и т. д.

Заключение о том, что «коммуникативная компетенция» является более широким понятием и интегрирует в своем составе вышеупомянутые компетенции, представляется ошибочным. Можно заметить, что объем обозначенных понятий сужается, как только они теряют независимый статус и переходят в ранг субкомпетенций.

Самым распространенным термином является *языковая компетенция*, которая опи-

сывает владение языком как системой. Следует заметить, что применительно к коммуникативной компетенции не является принципиальным стремление к достижению высокого уровня развития языковой компетенции. Конечно, грамотность важна, но не во всех интерактивных контекстах. В определенных ситуациях высокий уровень сложности лексики и грамматических конструкций скорее будет мешать взаимодействию.

Коммуникативная компетенция интегрирует языковой компонент (языковую компетенцию) на умеренном уровне развития, обеспечивающем перспективу грамотного оформления речи, и прагматический компонент, отвечающий за реализацию цели взаимодействия, удовлетворение коммуникативных потребностей, что предполагает в том числе способность к адаптации уровня грамотности речи и лексического оформления высказывания в зависимости от ситуативного и социального контекста. По этой причине более оправданным является применение термина *языковой компонент* вместо *компетенция / субкомпетенция*.

Языковая компетенция измеряется по уровням и характеризуется нормативностью. Ее развитие предполагает усложнение грамматических структур, вариативность лексики и т. д., что не всегда отражается на повышении уровня эффективности коммуникативного взаимодействия. Языковой компонент в рамках коммуникативной компетенции представляет средства оформления высказывания на адекватном (для реализации коммуникативной задачи) уровне, позволяющем выразить актуальное содержание и реализовать коммуникативные потребности.

В зарубежной научной литературе термин *linguistic* имеет нейтральную коннотацию и характеризует языковые явления как теоретического, так и прикладного плана; в русском языке лингвистическая компетенция чаще всего описывает теоретические знания. В данном отношении можно сослаться на Д.И. Изаренкова, который, анализируя состав коммуникативной компетенции, предпочитает в ее структуре выделять языковую компетенцию, а не лингвистическую, поскольку последняя предполагает знание понятийного, категориального аппарата науки о языке; процесс обучения языку как деятельности не требует от обучаемого всех этих знаний [6, с. 56].

Отличие языковой компетенции от речевой основано на общепринятом разграни-

чении языка и речи: язык – система языковых средств, а речь – применение языковых средств в конкретном высказывании. Соответственно, в рамках коммуникативной компетенции речь представляется более приоритетным понятием.

Однако правомерность применения термина *речевая компетенция* как элемента коммуникативной компетенции является спорной, поскольку понятие «речевая компетенция» шире того объема значения, который актуален для коммуникативной компетенции. Говоря о речевой компетенции, мы ориентируемся на развитие всех видов речевой деятельности. Применение термина *речевой компонент* логичнее в рамках описания коммуникативной компетенции, потому что мы ограничиваемся лишь тем «речевым материалом», который обеспечивает связь (коммуникацию). Речь (безотносительно к коммуникативной компетенции) не обязательно должна быть диалогична, ориентирована на эффективность реализации коммуникативной задачи. Лекция может быть абсолютно непонятна слушателям, но из уст лектора будет звучать речь (красивая и нормативная). В коммуникации же главное – связь.

Следует также заметить, что при наличии речевого компонента нет смысла выделять языковой и прагматический компонент, поскольку речевой компонент фактически интегрирует в своих границах языковой и прагматический компоненты. Когда мы говорим о коммуникативной компетенции, языковой компонент описывает все то, что связано с языковыми нормами на всех языковых уровнях / ярусах (фонемный, морфемный, лексический, синтаксический).

Если дискурсивный компонент (дискурсивная компетенция) не выделяется отдельным блоком, то языковой компонент описывает нормативность от уровня фонемы до уровня текста. Его сформированность – готовность к корректному применению фонем, словоформ, синтаксических структур; готовность к их организации в дискурсивное целое.

Речь возникает при подключении прагматического измерения (на всех уровнях). Прагматика (в традиции Ч.У. Морриса) – это раздел семиотики, изучающей отношения между знаковыми системами и теми, кто их использует. Прагматический компонент задает отношение знаков к субъектам, которые их создают, воспроизводят, воспринимают и интерпретируют. Содержание (предметность) оформляется

в соответствии с языковой нормативностью, предполагая соотнесенность с прагматическим измерением: интенциями и контекстом, интерпретируемым в зависимости от предрасположенности коммуникантов.

С нашей точки зрения, удобнее разграничивать в структуре коммуникативной компетенции языковой и прагматический компоненты, ориентируя первый на нормативность, а второй – на адекватное (контексту) применение языка в коммуникативных ситуациях для достижения цели взаимодействия. Представляется оправданным рассмотрение стратегических, социокультурных и социолингвистических параметров в составе прагматического компонента, а не отдельно, поскольку они фактически отвечают за прагматику.

Научные разногласия, касающиеся содержания понятия «коммуникативная компетенция» и его структуры, наблюдаются со времен введения термина и до сих пор. Однако, с нашей точки зрения, разночтения связаны скорее с отсутствием унификации на уровне терминологического аппарата, а также с разными подходами к «разъединению» объекта в целях анализа его составных частей.

Коммуникативная компетенция представляет собой готовность к реализации коммуникативного взаимодействия посредством адекватного применения вербальных и невербальных средств. Языковой компонент обеспечивает нормативную базу, позволяющую корректно применять языковые средства при оформлении высказывания. Оппозиция языкового и прагматического представляется как оппозиция нормативного и ситуативного. При развитии коммуникативной компетенции (в отличие от развития языковой, речевой, лингвистической компетенций) акцент переносится на эффективность выполнения коммуникативной задачи в заданных интерактивных контекстах.

Список литературы

1. Великанова О.Н., Кислякова Е.Ю. Проблема компонентного состава иноязычной коммуникативной компетенции // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 6. С. 17–21.
2. Вятютнев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Рус. яз. за рубежом. 1977. № 6. С. 38–45.
3. Даниленко А.С. Структура иноязычной коммуникативной компетенции // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2016. № 1. С. 187–189.
4. Долинский Е.В. Формирование коммуникативной компетентности будущих переводчиков

средствами информационно-коммуникационных технологий // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6. С. 49–52.

5. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 2. С. 7–14.

6. Изаренков Д.И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Рус. яз. за рубежом. 1990. № 4. С. 54–60.

7. Исакова А.А. Ретроспектива формирования коммуникативной компетенции // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 1. С. 46–53. DOI: 10.15507/1991-9468.086.021.201701.046-053.

8. Коробкова О.Ф. Содержание понятий «коммуникативная компетенция», «коммуникативные навыки» и «речевые навыки» в современной нормативной документации и научной литературе // Специальное образование. 2010. № 3. С. 29–41.

9. Местанко Н.А. Структура иноязычной коммуникативной компетенции в работах зарубежных и российских исследователей // Гуманитарно-педагогическое образование. 2016. Т. 2. № 1. С. 72–78.

10. Солтанбекова О.Т. Коммуникативная компетенция и ее составляющие // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Педагогические науки. 2008. № 6. С. 40–44.

11. Стурикова М.В. Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 6. С. 27–32.

12. Таюрская Н.П. Иноязычная коммуникативная компетенция: зарубежный и российский опыт // Гуманитарный вектор. 2015. № 1. С. 83–87.

13. Bachman L.F. *Fundamental Considerations // Language Testing*. Oxford: Oxford University Press, 1990.

14. Bachman L.F., Palmer A.S. *Language Testing in Practice: Designing and Developing Useful Language Tests*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

15. Canale M. *From Communicative Competence to Communicative Language Pedagogy // Language and Communication*. London: Longman, 1983. P. 2–27.

16. Canale M., Swain M. *Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics*. 1980. Vol. 1. P. 1–47. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/1.1.1>.

17. Celce-Murcia M. *Rethinking the Role of Communicative Competence in Language Teaching // Intercultural Language Use and Language Learning*. Dordrecht: Springer, 2008. P. 41–57. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5639-0_3.

18. *Concise Oxford Dictionary of English Etymology* / ed. by T.F. Hoad: Oxford University Press, 1996.

19. Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.

20. Hymes D.H. *On communicative competence // Sociolinguistics: Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–293.

21. Rickheit G., Strohner H., Vorwerg C. *The concept of communicative competence // Handbook of Communication Competence: Handbooks of Applied Linguistics*. Berlin, New-York: De Gruyter, 2010. P. 15–62.

* * *

1. Velikanova O.N., Kislyakova E.Yu. *Problema komponentnogo sostava inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*. 2019. № 6. S. 17–21.

2. Vyatyutnev M.N. *Kommunikativnaya napravlenost' obucheniya russkomu yazyku v zarubezhnyh shkolah // Rus. YAz. za rubezhom*. 1977. № 6. S. 38–45.

3. Danilenko A.S. *Struktura inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii // Vestn. Krasnoyar. gos. ped. un-ta im. V.P. Astaf'eva*. 2016. № 1. S. 187–189.

4. Dolinskij E. V. *Formirovanie kommunikativnoj kompetentnosti budushchih perevodchikov sredstvami informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2013. № 6. S. 49–52.

5. Zimnyaya I.A. *Klyuchevye kompetencii – novaya paradihma rezul'tata obrazovaniya // Eksperiment i innovacii v shkole*. 2009. № 2. S. 7–14.

6. Izarenkov D.I. *Bazisnye sostavlyayushchie kommunikativnoj kompetencii i ih formirovanie na prodvnutom etape obucheniya studentov-nefilologov // Rus. yaz. za rubezhom*. 1990. № 4. S. 54–60.

7. Isakova A.A. *Retrospektiva formirovaniya kommunikativnoj kompetencii // Integraciya obrazovaniya*. 2017. Т. 21. № 1. С. 46–53. DOI: 10.15507/1991-9468.086.021.201701.046-053.

8. Korobkova O.F. *Soderzhanie ponyatij «kommunikativnaya kompetenciya», «kommunikativnye navyki» i «rechevye navyki» v sovremennoj normativnoj dokumentacii i nauchnoj literature // Special'noe obrazovanie*. 2010. № 3. S. 29–41.

9. Mestanko N.A. *Struktura inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii v rabotah zarubezhnyh i rossijskih issledovatelej // Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*. 2016. Т. 2. № 1. S. 72–78.

10. Soltanbekova O.T. *Kommunikativnaya kompetenciya i ee sostavlyayushchie // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Pedagogicheskie nauki*. 2008. № 6. S. 40–44.

11. Sturikova M.V. *Kommunikativnaya kompetenciya: k voprosu o definicii i strukture // Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii*. 2015. № 6. S. 27–32.

12. Tayurskaya N.P. *Inoyazychnaya kommunikativnaya kompetenciya: zarubezhnyj i rossijskij opyt // Gumanitarnyj vektor*. 2015. № 1. С. 83–87.

Communicative competence: demarcation of meaning

The article deals with the dominants of the meaning of the term “communicative competence” on the basis of the comparative analysis of the native and foreign scientific outlooks. There are differentiated the related notions of “communicative competence”, “language competence”, “speech competence” and “linguistic competence” by the means of the functional and semantic analysis.

Key words: *communicative competence, language competence, speech competence, linguistic competence, interactive competence, pragmatic competence, discursive competence.*

(Статья поступила в редакцию)

И.С. ЛИСЮТКИНА
(Саратов)

МНЕНИЕ ИЛИ ФАКТ: ТАКТИКА ФАКТУАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Рассматривается стратегия фактуализации, реализуемая в современном российском политическом медиадискурсе. Поднимается вопрос соотношения понятий «факт» и «фактоид», предлагаются условия выделения тактики фактуализации. Анализируется роль различных маркеров повышения категоричности в функционировании данной тактики.

Ключевые слова: *тактика, дискредитация, фактуализация, фактоид, маркер повышения категоричности, дискурсивы.*

Несмотря на то, что СМИ позиционируют себя в качестве беспристрастного фиксатора реальности, нельзя не отметить эмоциональность транслируемой в них информации. Именно выражение эмоций позволяет журналистам более эффективно убеждать читателей, а также стимулировать их к принятию политических решений, например проголосовать за определенного кандидата, а также к формированию мнения о той или иной политике-

ской группе или ее представителе. Согласимся с мнением Ю.В. Газинской, которая утверждает, что эмоциональность в политическом медиадискурсе так или иначе связана с оценочностью, поскольку реализуется через состояние волнения и в процессе декодирования медиатекста предполагает разделение действительности по принципу «хорошо – плохо». Использование подобной диады в СМИ является весьма эффективным приемом убеждения, поскольку все базовые разновидности человеческих эмоций легко делятся по этому принципу. Таким образом, несмотря на то, что СМИ заявляют о следовании принципу беспристрастности, практически любая политическая информация сопровождается журналистской оценкой, которая может являться частью манипулятивной стратегии.

Цель данного исследования – выявить основания для выделения тактики фактуализации в современном политическом медиадискурсе, проанализировать особенности ее использования и провести количественный анализ наиболее типичных языковых средств реализации данной тактики. Актуальность обусловлена важностью системного изучения медиаполитического дискурса и недостаточной систематизированностью тактик внутри стратегии дискредитации. Материалом для исследования послужили разножанровые тексты российской прессы 2007–2019 гг. из интернет-версий газет «Аргументы и Факты» (АиФ), «Известия», «Российская Газета» (РГ) и «Российские вести» (РВ). Общее количество исследованного материала – 27 текстов объемом 15 500 словоупотреблений. В процессе исследования применялись описательный метод, метод дискурсивного анализа, а также количественный метод. В итоге в исследованном материале было обнаружено 27 микроконтекстов, реализующих тактику фактуализации.

В ходе исследования политического медиадискурса мы выделяем две разнонаправленные макростратегии: стратегию самопрезентации и стратегию дискредитации. Рассматриваемая в данной статье тактика фактуализации реализуется в рамках стратегии дискредитации наравне с тактикой обвинения, оскорбления, навешивания (наклеивания) ярлыков и т. д. Под тактикой фактуализации мы понимаем некое оценочное высказывание субъективного характера, которое в отсутствие ссылок на источники и средств смягчения категоричности подается как подтвержденный и вери-